

ББК 67.408.131.11

Л.Н. Смирнова

Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму

L.N. Smirnova

Criminal Law Regulation to Counteract Terrorism

Статья посвящена уголовно-правовому регулированию противодействия терроризму на основе реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, терроризм.

The author considers the criminal law regulation of the counter-terrorism through the implementation of the circumstances excluding criminality of a deed.

Key words: circumstances excluding criminality of deed, terrorism.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» приведена формула правомерного причинения вреда при осуществлении антитеррористической деятельности [1]. Применительно к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, в этой формуле сконцентрированы все случаи правомерного причинения вреда во время пресечения актов терроризма и иной террористической деятельности. В ней указано, что лишение жизни лица, совершающего террористический акт, является правомерным. Также правомерно причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо при осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом. В соответствии с принципом законности, изложенным в ст 3 УК РФ, преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом РФ, поэтому приведенная выше норма должна быть в нем указана.

Из текста ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» (далее – Закон) следует, что все действия, описанные в ней, подпадают под действие уголовного закона, устанавливающего ответственность за совершение террористического акта и исключающего уголовную ответственность за причинение вреда во время его пресечения при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В связи со сказанным отметим, что в случае лишения жизни лица, совершающего террористический акт, осуществляется необходимая оборона от посягательства, которое происходит во время этого деяния. Следовательно, должны наличествовать основания и соблюдаться условия обороны, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ. Часть первая этой статьи предусматривает возможность причинения неограниченного

вреда посягающему (в нашем случае – совершающему террористический акт) только, когда во время посягательства осуществляется насилие, опасное для жизни обороняющегося или другого лица, или имеет место непосредственная угроза такого насилия. Однако следует иметь в виду, что, согласно п. 3 ст. 3 Закона, террористический акт может иметь своим содержанием не только действия, создающие опасность гибели человека, но и опасность причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных тяжких последствий. Следовательно, не всякий террористический акт является основанием для применения таких жестких мер, как лишение жизни посягающего. Поэтому спорной следует считать точку зрения, что ст. 22 Закона предоставляет право на лишение жизни лица при его посягательстве на любой из перечисленных в п. 3 ст. 3 объектов. На это указывает и окончание текста ст. 22 Закона, в котором сделана оговорка о *регулируемости* антитеррористических действий, предписываемой или разрешенной законодательством Российской Федерации. Это, на наш взгляд, следует понимать так, что случаи совершения террористического акта или другой террористической деятельности, являющиеся менее опасным посягательством, чем угроза человеческой жизни, относятся к иным основаниям и условиям исключения преступности деяния. Размер вреда при таком посягательстве должен иметь некоторые ограничения и в соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ не превышать пределов необходимой обороны.

Если во время предотвращения или пресечения террористической деятельности происходит причинение вреда «иным, охраняемым законом интересам личности, общества или государства», то речь может также идти о применении института крайней необходимости. Действительно, при захвате залож-

ников, организации вооруженных формирований, создании преступного сообщества для совершения террористических актов или иной террористической деятельности, угоне воздушных судов, посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, действиях, направленных на насильственный захват власти, вооруженном мятеже, нападении на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой, относимых, согласно ст. 205-1 УК РФ, к террористической деятельности, для противодействия этим преступлениям возможно причинение вреда законным интересам личности, обществу и государству в рамках крайней необходимости. Например, при угоне воздушного судна, используемого террористами для совершения террористического акта, правомерным является уничтожение судна, хотя в нем могут находиться лица, намеревавшиеся путешествовать и оказавшиеся в драматической для них ситуации против их воли. Необходимость освобождения захваченных террористами помещений, используемых ими для своих преступных целей, требует применения таких средств, которые неизбежно влекут причинение вреда этим помещениям, а также другому имуществу или лицам, находящимся там по неволе. Причинение вреда при этих обстоятельствах является правомерным, поскольку совершается в состоянии крайней необходимости.

Наконец, возможно другое обстоятельство, исключаящее преступность деяния, – исполнение законного приказа. При проведении контртеррористической операции руководителем операции принимается решение и издается боевой приказ, включающий уничтожение террористов, а также имущества, оказавшегося в их распоряжении. Такой приказ является законным, если он принят компетентным лицом, в установленном порядке и отвечает требованиям других обстоятельств, исключаящих преступность деяния.

Однако нужно обратить внимание и на следующее. Законодатель вполне обоснованно ссылается на необходимость учета при применении мер противодействия терроризму имеющегося законодательства. Но, какое законодательство имеет приоритет при осуществлении противодействия терроризму, нигде не сказано. Хотя, как показывает практика, нередко при применении огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы против преступников (в том числе и против террористов) могут возникнуть коллизии между административным и уголовным законодательством. Правоприменители – должностные лица органов МВД или ФСБ – считают правомерным при задержании преступников применение норм административного, а не уголовного законодательства [2, с. 196–205].

Не дает ответа на этот вопрос и ст. 1 Закона, названная «Правовая основа противодействия терроризму». Эта статья не упоминает Уголовный кодекс РФ

в качестве первоочередной правовой основы Закона, видимо, относя его (УК РФ) к категории «всего остального законодательства». К слову сказать, предыдущий Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» (в редакции 7 марта 2005 г.) ставил УК РФ в качестве правовой основы сразу после Конституции РФ. Из сказанного можно сделать вывод, что законодательная техника формулирования правила о правомерности причинения вреда в ст. 22 упомянутого Закона не достаточно совершенна.

Рассмотрим еще один актуальный в свете борьбы с терроризмом вопрос о возможности применения мер к уничтожению террористов, совершивших террористический акт против граждан России, в особенности против ее дипломатических и иных официальных представителей, за пределами ее территории, избежавших правосудия страны совершения преступления. В связи с этим отметим, что в Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» внесен ряд изменений, среди которых обращает на себя внимание ч. 4 ст. 9-1: «Органы по борьбе с терроризмом осуществляют свою деятельность в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности, уголовным и процессуальным законодательством, настоящим Федеральным законом и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации», а ст. 16 этого закона получила такую редакцию: «При получении в ходе исполнения служебных обязанностей приказа или распоряжения, противоречащих федеральному закону, военнослужащие органов федеральной службы безопасности должны руководствоваться федеральным законом» [3]. Из приведенных правовых норм явствует, что уничтожение террористов, совершивших террористический акт за пределами нашей страны, избежавших поимки и правосудия, может быть произведено только в рамках уголовного законодательства России, которое ныне, после внесения соответствующей поправки в ст. 12 УК РФ, вполне адаптировано к задаче правового обеспечения уголовного преследования преступников, находящихся за пределами России (тех, что совершили преступление против интересов нашего государства за пределами государства, в том числе путем совершения террористического акта).

Остановимся более подробно на этом вопросе на основе правовой оценки действий лиц, участвующих в уничтожении преступников, причастных к совершению террористического акта или иной террористической деятельности, при их задержании. Такие действия в отношении лиц, совершивших теракт, убийство при отягчающих обстоятельствах (убийство при совершении террористических действий), диверсию, захват заложников, создание вооруженных формирований, угон воздушного судна, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, вооруженный мятеж, насильственный захват вла-

сти или ее удержание, нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой, как правило, совершаются при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Доставка этих лиц с целью осуществления правосудия нередко является нереальным. Эти лица не желают, как правило, сдаваться, в связи с чем попытки их захвата заканчиваются или их уничтожением, или причинением тяжкого вреда здоровью (необратимым увечьем, препятствующим судебному разбирательству). В своей практической деятельности правоохранительные органы такие случаи приравнивают к состоянию необходимой обороны при вооруженном сопротивлении или неосторожному лишению жизни при задержании. Однако убийство этих преступников (нередко только еще подозреваемых в преступлении) происходит, когда преступление уже пресечено или прекращено, во время их бегства или нахождения в убежищах, когда отсутствует непосредственная угроза нового преступления и нет факта вооруженного сопротивления. При этом у сотрудников правоохранительных органов, участвующих в лишении их жизни, имеется определенная цель – предупредить в будущем совершение новых преступлений. Но ст. 37–39 УК РФ не содержат оснований для исключения преступности такого деяния, как лишение жизни этого преступника (подозреваемого) [4, с. 99–100]. Сохранилось лишь одно возможное основание – *необходимость* предотвращения новых преступлений со стороны преступника, совершившего особо тяжкие преступления. Хотя эта *необходимость* может продолжаться в течение длительного времени, она не становится законным основанием для правомерного причинения вреда путем убийства или причинения необратимого тяжкого вреда здоровью. Следовательно, необходимо иное основание предотвращения новых особо тяжких посягательств. Таковым является исполнение подчиненным законного приказа начальника об уничтожении преступника, совершившего особо тяжкое преступление. И практика деятельности военных и правоохранительных органов сложилась таким образом, что уничтожение этих преступников фактически осуществляется на основании приказа начальника.

Напомним, что издание приказа об уничтожении особо опасного преступника, совершившего террористический акт, необходимо не только для выполнения задания о предупреждении дальнейшей террористической деятельности, но и для того, чтобы поставить под правовую защиту исполнителей приказа. Эту задачу частично выполняет ст. 42 УК РФ, которая устанавливает, что причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, не является преступлением. В то же время уголовную ответственность за причинение незаконно-

го вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. Как видно, в этой статье нет указаний на то, какие приказы или распоряжения являются законными, а какие незаконными. Применительно к нашему анализу законность приказа об уничтожении лица, совершившего в процессе террористической деятельности убийство, может быть основана или на приговоре суда, или на нормах, предусмотренных другими обстоятельствами, исключающими преступность деяния (например ст. 37–39 УК РФ), или на нормах международного права [5, с. 540]. Если в рассматриваемой нами ситуации ни одного из этих оснований нет, приказ на уничтожение преступника для предупреждения новых преступлений с точки зрения имеющихся в конкретной ситуации обстоятельств не может быть признан законным и формально должен влечь ответственность лица, отдавшего приказ.

Исходя из сказанного, приказы на уничтожение, отдаваемые спецслужбами (должностными лицами этих служб) в отношении террористов или их соучастников, участвовавших в совершении террористических актов, находящихся вне пределов досягаемости для правосудия (например в стране, отказавшейся экстрадировать преступника, участвовавшего ранее на территории России в совершении особо тяжкого преступления), вряд ли имеют правовые основания. Не могут быть признаны законными и приказы на уничтожение лиц, совершивших террористические акты против интересов России за ее пределами [6, с. 23]. Эти лица подлежат уголовной ответственности, но отнюдь не уничтожению. Уничтожение таких лиц, минуя судебную процедуру установления вины, может привести к серьезной коллизии с суверенным правом государства, на территории которого произошло преступление, осуществлять свое правосудие.

В то же время нельзя не считаться с тем, что лица, совершившие террористические акты или осуществлявшие иную террористическую деятельность против Российского государства, его граждан, в том числе и за пределами России, имеют большую потенциальную общественную опасность, поскольку в будущем они могут вернуться к этой своей преступной деятельности, представляющей опасность для жизни граждан и безопасности государства. Тем более, нельзя гарантировать, что они понесут заслуженное наказание за уже содеянное. Поскольку в ст. 37–39 УК РФ правового основания законности такого приказа (когда имеется только цель предупреждения новых преступлений) нет, необходимо, чтобы законодатель установил новую уголовно-правовую норму и таким образом поставил под правовую защиту не только исполнителей приказа, но и лицо, его издавшее, основываясь при этом на общественной полезности деяния при наличии цели предупреждения новых особо тяжких преступлений.

Такое новое основание вполне соответствует положениям, предусмотренным Конституцией РФ, в ч. 3 ст. 55 которой указано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Следовательно, если в результате преступной деятельности какого-либо лица создалась угроза здоровью, правам граждан, безопасности государства, то к нему могут быть приняты меры, адекватные этой угрозе.

Вышесказанное требует, чтобы было определено новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, которое бы устраняло его общественную опасность и наказуемость при издании и исполнении приказов об уничтожении преступников, совершивших особо тяжкие преступления, во время их бегства или нахождения вне пределов досягаемости органов правосудия, но при этом устанавливало и условия, обеспечивающие исключение преступности этого деяния и таким образом создавало необходимую правовую защиту не только исполнителям приказа, но и лицу, издавшему приказ. На такую необходимость указывают многие авторы [7, с. 36].

Мы полагаем, что к таким условиям следует отнести:

1) наличие достоверных доказательств о совершении лицом преступного деяния, являющегося особо тяжким преступлением (например против жизни человека, террористического акта и т.д.), составляющим угрозу безопасности гражданам и государству. Достоверными следует считать совокупность допустимых доказательств: показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, вещественные доказательства, заключения и показания экспертов и специалистов, протоколы следственных и судебных действий, иные документы, имеющиеся в возбужденном в установленном процессуальном порядке уголовном деле о совершении особо тяжких преступлений: против жизни, действий террористического характера, вызвавших тяжкие последствия;

2) наличие достоверных данных о продолжении этим лицом деятельности, позволяющей ему или его соучастникам совершать преступления той же тяжести, представляющих угрозу безопасности гражданам и государству в будущем. Достоверными в таком случае могут являться доказательства этого, имеющиеся в других уголовных делах, проверенные на надежность агентурные сведения, выступления субъекта преследования в средствах массовой информации, личная переписка, телефонные, электронные и другие переговоры этого субъекта;

3) отсутствие реальной возможности поимки такого лица с целью доставления компетентным орга-

нам власти для осуществления правосудия. Подтверждением этому могут являться безуспешные попытки правоохранительных органов провести экстрадицию лица ввиду отказа в этом соответствующих органов иностранного государства, где находится субъект преследования, или получения им политического убежища в государстве местонахождения, или нахождение его на нелегальном положении;

4) обнаружившаяся невозможность предотвращения совершения этим лицом новых особо тяжких преступлений, представляющих угрозу безопасности гражданам и государству, может быть подтверждена данными, в том числе агентурными, свидетельствующими о невозможности надежно контролировать поведение преследуемого лица, наличием у него неконтролируемых связей с другими особо опасными преступниками, имеющими намерения совершать особо тяжкие преступления (в том числе террористические акты), представляющие угрозу безопасности гражданам и государству, о подготовке этим лицом новых особо тяжких преступлений (в том числе террористических актов), представляющих такую угрозу;

5) причинение вреда этому лицу не должно сопровождаться причинением вреда другим лицам. Имеется в виду, что применение мер пресечения не должно привести к причинению вреда посторонним лицам в виде лишения их жизни или тяжкого и средней тяжести вреда здоровью;

б) причинение вреда субъекту преследования должно быть ограничено сроками давности уголовного преследования или исполнения наказания.

Изложенное позволяет внести предложение о введении в главу 8 УК РФ нового обстоятельства, исключающего преступность деяния, когда по приказу осуществляется уничтожение совершившего особо тяжкое преступление преступника, находящегося за пределами Российского государства и представляющего повышенную общественную опасность для безопасности России и его граждан.

Предлагается новая ст. 37-1 УК РФ следующего содержания: 1. *Не является преступлением причинение любого вреда лицу, совершившему особо тяжкое преступление, находящемуся вне пределов досягаемости правосудия, если имеются достоверные доказательства о совершении лицом преступного деяния, являющегося особо тяжким преступлением (против жизни, террористическим актом и т.д.); имеются достоверные данные о продолжении этим лицом деятельности, позволяющей ему или его соучастникам совершать преступления той же тяжести в будущем; представляющие угрозу безопасности гражданам и государству, отсутствует реальная возможность задержания такого лица с целью доставления компетентным органам власти для осуществления правосудия; обнаружилась невозможность предотвращения совершения этим лицом новых*

особо тяжких преступлений, представляющих угрозу безопасности гражданам и государству; имеется заключение специально уполномоченных органов или должностных лиц о наличии названных условий.

2. Причинение вреда преступнику не должно сопровождаться причинением вреда другим лицам и может быть совершено только в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №11. – Ст. 1146.

2. Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. – СПб., 2005.

3. О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. №40-ФЗ, с последующими изменениями по состоянию на 28.12.2010 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №15. – Ст. 1269.

4. Смирнова Л.Н. Исполнение приказа должностным лицом – представителем власти // Известия АлтГУ. – 2010. – №2/1.

5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 г. // Международные акты о правах человека : сборник документов. – М., 1998.

6. Жалинский А. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. – 2005. – №1.

7. Кашепов В. Уголовно-правовое регулирование противодействия терроризму // Уголовное право. – 2006. – №3.